

Пролог

Ночь безмолвна, и единственный звук, слышимый в ней, — тишина. Доносится изда- лека глухой стук падающего с еловых веток снега, редкие шаги таящихся в темноте лесных зверей. Оттого сложно отворить засов так, чтобы все поселение не сбежалось узнать, кто покинул теплый дом в такую лютую ночь. Выскальзывают из-под родных сводов три детские тени, скользят к дальней стене. Скрипит рыхлый снег под тяжелыми сапогами, обжигает мороз лица; спать бы сейчас подле тепла очага, только нет им покоя в своей колыбели. Зияющей звериной пастью манит темный проем, что слишком мал для врага, но сгодится для того, чтобы ребенок мог покинуть безопасные стены. В столь темный час оставляют свой пост дозорные, полнятся думы их не покоем своей земли, а жаждой тепла. Некому

теперь сберечь детей от беды, напомнить мудрость, что досталась от предков.

«Не ходи в лес один, коль хочешь жить».

Истинным вождем ощущает себя старший, перебрасывая сквозь проем лук свой и стрелы, перебираясь следом, и уже оттуда наблюдает, как повторяют его путь меньшие. Призывает их к тишине, грозя отдать троллям за непослушание. Сколь же доволен он, ощущая их покорность! Ведет за собой все дальше и дальше, и остается Чертог Зимы за их спинами.

Ноги Ренэйст по колено утопают в снегу. Силится идти по глубоким следам Хэльварда, переваливается неуклюже с бока на бок, облаченная в теплую шубу из волчьего меха. Падают на лицо светлые волосы, видеть мешают, и хнычет Ренэйст, продолжая тяжелый свой путь.

— Подождите меня!

Останавливаются идущие впереди Хэльвард и Витарр, оборачиваются. Видевший уже двенадцать зим Хэльвард возводит взгляд к небу, вопрошая Одина, за что он не позволил ему быть единственным сыном своего отца. Держит в руках лук, за спиной у него — колчан со стрелами, и, видят асы, как хороша была бы охота, останься брат с сестрой дома!

Не успевает Хэльвард ни слова сказать, как Витарр настигает сестру, с силой толкая ее в плечи.

— Замолчи, ты, троллье отродье! — восклицает он гневно. — Ты всю дичь распугаешь!

Падает Ренэйст в снег, взмахнув руками в попытке устоять на ногах. Наполняются слезами голубые глаза, но поднимается она, кидаясь на старшего брата с кулаками.

— Это ты троллье отродье!

Наблюдает Хэльвард за тем, как Витарр и Ренэйст катаются по снегу, колотят друг друга ожесточенно. Снег забивает им рты, но продолжают они скулить и подвывать, как самые настоящие волчата. Отчего не единственный он щенок в доме Волка? Закидывает Хэльвард лук на плечо, решая вмешаться. Ловит брыкающуюся сестру за воротник волчьей шкуры, поднимая на вытянутой руке. Уклоняется от ее удара, что метит ему в лицо, и ставит ногу на грудь разъяренного Витарра, вдавливая спиной в снег.

— Достаточно! — едва ли не рычит Хэльвард. — Либо возвращайтесь обратно в Чертог Зимы, либо ведите себя тихо! Ослушаетесь — скормлю вас волкам!

И толку, что волков давно уже не видно?

Сестра начинает хныкать. Круглое лицо краснеет, и ничего не остается ему, кроме как поставить ее на снег. Убирает ногу с груди младшего брата, становится на одно колено, сжимая ладонями плечи плачущей девочки, и смотрит в глаза. Поджимает губы она, отворачивается, не

желая смотреть на обидчика, и улыбается Хэльвард, признавая в сестре гордость их рода.

— Ренэйст, — произносит он ласково, так, как только может, стирая грубыми пальцами слезы с ее щек. Замерзнут они на морозе, стянут кожу, не кончится это ничем хорошим. Дурная девчонка, почему не сидится ей дома! — Не нужно плакать, слышишь? Знаешь же, Рена, нельзя нам здесь быть. Тебе хоть ведомо, зачем я пришел сюда?

В ответ качает она головой. Не знает, да все равно пошла, вот непутевая!

— Вепря хочу убить, принести его отцу. Доказать, что гожусь для того, чтобы взять меня в набег. Почему бы вам с Витом не подождать меня здесь? Мы пойдем домой сразу же, как только я исполню задуманное. А чтобы убереечь тебя от страха, я дам тебе кое-что.

Тут же восклицает она, впившись в него гневным взглядом:

— Не боюсь я ничего!

Только вот дальнейший его поступок заставляет ее смиренно замолчать, прекращая спорить. Снимает Хэльвард с шеи своей амулет, перекидывает грубый шнурок через голову сестры. Падает тяжелый оберег ей на грудь, и Ренэйст тут же хватает его цепкими пальцами, поднимая на уровень глаз. Шлем Ужаса — так зовется он, и столь красиво блестит в лунном свете, что губы дочери конунга трогает легкая

улыбка. Каждый луннорожденный получает свой амулет в возрасте десяти зим, и томительно ожидание собственного ритуала. Не расстаются дети Луны со своими амулетами, носят их и в бою, и в мире, но слишком мала Ренэйст, чтобы воспротивиться подобному дару со стороны брата.

— Ты знаешь, что означает этот оберег, Рена? Это Агисхьяльм. Призван он устрашать моих врагов, приносить победу в бою. Даю, чтобы тебя сохранил, пока меня нет рядом. Теперь не боишься?

Улыбается Ренэйст, головой качает. Не было в ней страха, да только чего теперь бояться, если так сильно брат ее защищает?

— Это нечестно! — восклицает Витарр, поднимается на ноги и отряхивается от снега, налипшего на мех его полушубка. — Я не должен нянчиться с девчонкой!

— Нет, Вит, — сурово произносит брат, выпрямляясь во весь рост. — Ты как раз и обязан.

Высок и крепок Хэльвард в двенадцать своих зим, каждый вождь мечтает о таком наследнике. Гордость отца, должен стать он не менее достойным конунгом, чем Ганнар Покоритель. Брат младше на четыре зимы, и вид тяжелых кулаков пугает Витарра, потому приходится ему подчиниться.

Но мало Хэльварду покорного взгляда. Как и все воины рода Волка, Витарр непокорен и

своеволен, одними угрозами его не подчинить. Кладет ладонь на плечо брата и не просит — требует:

— Поклянись, что не отойдешь от Ренэйст ни на шаг.

Подлый поступок, но должен Хэльвард знать, что сестра будет под присмотром. Слишком юна она, чтобы за себя постоять, пусть и храбрится, стиснув пальцами его оберег. Насупившись, смотрит на него Витарр исподлюбья и, отведя взгляд, бурчит недовольно:

— Клянусь.

Несправедливо принуждать его к подобному, только поспоришь ли с будущим королем? Считает Хэльвард, что будет так лучше, раз не смог убедить их и вовсе остаться в доме. Гораздо спокойнее было бы ему, если б знал, что спят они, согретые мягкими мехами. Если заметят родители, что пропали их дети, то несдобровать Хэльварду, особенно когда ясно станет, куда держали они свой путь. Вернуться бы до того, как проснутся мать с отцом!

Уходит он в самую чащу леса, оставив брата и сестру одних под светом Луны. Ренэйст подбирается ближе к Витарру, пытается взять его за руку, но тот отталкивает девочку от себя. Злит его то, что Хэльвард, считая себя вправе командовать, оставляет на нем такую ношу, как младшая их сестра. Ведь Витарр и сам мог бы убить вепря, даже двух! Остается лишь пред-

ставлять, что Рена и есть вепрь, а присмотр за ней — охота.

Эта мысль забавит его, заставляет усмехнуться.

Так глуп Хэльвард, решивший, что сможет справиться с вепрем один! Всегда хочется ему быть любимцем у отца, хоть и знает, что конунг и так гордится тем, каков его наследник. Все отцовское внимание забирает себе Хэльвард, оттого и растет Витарр грубым и завистливым. Считает, что, сумея он доказать, что ничуть не хуже старшего, то столь же был бы любим Покорителем. А вот Рена любимица матери. Как иначе? Дочь женщине всегда милее, пусть и говорят, что каждый ребенок любим одинаково.

Только неправда это. Вовсе не одинаково.

Внимание его привлекает блеск меж деревьев, и дурное расположение духа тут же исчезает. Любопытство верх над ним берет, подчиняется жажде знаний. Никогда еще Витарр не заходил так далеко в лес, но понимает, где находятся они сейчас. Мать рассказывала как-то историю о сокровище, хранящемся в самой чаще, у берегов озера, где приносят клятвы, кои нельзя нарушать, ибо Вар, богиня истины, жестоко покарает того, кто нарушил свое слово.

Витарр знает — это лишь сказки, ведь каждому ведомо, что боги давно покинули их.

— Идем, — говорит он, все же сжав руку сестры в своей ладони.

Идти приходится медленно. Девочка не может шагать достаточно быстро, чтобы поспевать за ним, и еще больше злится Витарр. Хватается Ренэйст за руку его, как за веревку, спотыкаясь и увязая в снегу, и не скоро удаётся им добраться до места, что так влечет к себе Витарра. Может, не так хорош он в воинском ремесле, как старший брат, но тяга к знаниям в нем столь велика, что легко затмевает это.

Озеро покрыто льдом, и поверхность его выглядит, как самое настоящее зеркало. Говорят, что именно через эти воды наблюдает Вар за людьми, давшими обет. Одним из святейших мест является озеро у их народа. Во время заключения брачного союза омывают лица и руки будущим супругам этой водой, выпивают ее во время заключения мира или важного договора.

Приходить маленьким детям к его берегам в зените ночи — величайшая глупость.

Впервые своими глазами видит Витарр озеро, и приковывает оно к себе его взгляд, очаровывает. Зрелище это останется в памяти Ренэйст прекрасным и болезненным воспоминанием, и она не забудет его даже тогда, когда станет взрослой женщиной. Сжимает девочка в ладони пальцы брата, пока ведет он ее к самой кромке воды, шагает послушно, взгляды-

ваясь в сверкающую поверхность. От зрелища этого холод проходится по костям, лижет, как покорный пес, и Рена сильнее жметя к боку Витарра.

— Когда мы пойдём домой?

Молчит Витарр, безучастно смотрит на поверхность озера. Всхлипывает она, испуганно оглядываясь по сторонам, ищет взглядом старшего брата. Кажется ей, словно кружат вокруг мрачные тени, сходятся кольцом, и нет никого, кто мог бы их защитить. Хочется заплакать, страх душит когтистыми лапами, и в тот миг, когда всхлип готов сорваться с искусанных губ, Витарр поворачивает голову и спрашивает тихо:

— Сможешь ступить на лёд?

Говорит в нём мальчишеская жажда показать себя, глупая храбрость и что-то темное. Ведомо детям Луны, как опасно ступать на лёд, даже взрослые воины обходят его стороной, что уж говорить о маленькой девочке? Качает Ренэйст головой, да с такой силой, что хлещут по щекам светлые пряди волос. Отступает назад, тянет Витарра за собой, но тот вырывает руку из её хватки, воскликнув:

— Трусиха! Тоже мне, воин!

Поправив свою шубу, оглядывается он по сторонам, словно проверяет, не следят ли за ним, затаившись среди стволов мертвых деревьев. Вдыхает морозный воздух, закрывает

глаза и делает первый шаг. Лед трещит, но не ломается, и, воодушевленный успехом, продолжает он свой путь. Мечется на берегу сестра, просит вернуться назад, но Витарр не смотрит на нее, не желает слышать. Зеркальная поверхность под ногами приковывает его внимание, словно околдованный, шагает Витарр вперед, оказываясь в самом центре покрытого льдом озера.

Покидает его очарование, навеянное блестящим лунного света, словно ото сна просыпается. Страх липкими руками обхватывает сердце, стоит первой трещине скользнуть по льду стремительно, словно стрела. Расходятся они причудливым кружевом, разносятся мелодией костного хруста, и ловушка захлопывается, оставаясь горьким привкусом на его языке.

Глупость совершил он, самой смерти руку протянул, и сквозь зеркало гневно смотрят на него пустые глазницы мертвой богини. Дал слово не покидать сестру, быть подле нее, перед самым святилищем произнес он свой обет, а теперь нарушает его.

Он поклялся не отходить от нее ни на шаг, а сам бросил на берегу.

Стоит в самом центре озера, медленно поднимает взгляд и оборачивается, не дыша. Смотрит Витарр на испуганную свою сестру, что мечется трусливым зайцем у самого берега, и проводит языком по сухим губам. Не дадут ему

уйти, остановят, поэтому иначе следует действовать.

— Рен, иди ко мне, — шепчет он, и имя сестры сильнее разбивает лед под ногами. Судорожно выдыхает, смотрит на то, как трещины касаются самых дальних сторон Зеркала, и вскидывает взгляд на девочку, стоящую на берегу. — Рена, пожалуйста!..

Ренэйст всхлипывает, качает головой и делает шаг назад, едва ли не падая в снег. Задерживает Витарр дыхание, наблюдая за ней, и опускает взгляд вниз, где под ногами крошится лед. Вар карает его за то, что не сдержал клятву, данную брату, и за это ожидает расплата, жестокая и холодная, если немедленно не вернется к сестре. Но Ренэйст далеко, а лед коварно тонок; ему не спастись. Видит, как качает дыхание Рен пряди, похожие на лунный свет, что падает ей на лицо, и проклиная Хэльварда за то, что вынудил поклясться.

Покрывает паутина трещин все озеро, и понимает Витарр, что нет у него иного выбора. Молит богов о своем спасении, бежит вперед, но боги детей Луны жестоки и прощают не все.

И пары шагов не успеваает он сделать, когда рушится коварный покров. Разрывает тишину спящего леса детский крик, когда лед расходится под ногами сына конунга, и тяжелые осколки смыкаются над его головой.